

ЗАКОН ПРИРОДЫ И ПРИХОТИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Влияние природных факторов на историю Древней Руси

Ландшафтные ниши кочевников в земледельческом обществе

Животный мир в искусстве: образы и реальность

Зооморфные элементы в керамике и каменной пластике

«Персидские» и «римские» собаки в средневековом Китае

Меха и перья в европейском средневековом костюме

От мифа к семантике сакрального ландшафта

Мясо и рыба в рационе питания населения Восточной Европы

Ответственный редактор — Роман А. Рабинович

ISSN: 1857-3533

Stratum plus. Nr. 5.
Archaeology and Cultural Anthropology

Laws of Nature and Whims of the Middle Ages

Impact of natural factors on history of the Old Rus'
Landscape niches taken by nomads in agricultural society
Animals in art: images and reality
Zoomorphic elements in ceramics and stone plastics
'Persian' and 'Roman' dogs in medieval China
Furs and feathers in European medieval costume
From the myth to the semantics of a sacral landscape
Meat and fish in East European diet

Editor-in-Charge — Roman A. Rabinovici

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2021

Stratum plus. Nr. 5.
Arheologie și antropologie culturală

Legea naturii și capriciile Evului Mediu

Influența factorilor naturali asupra istoriei Rusiei Străvechi
Nișele de landșaft ale nomazilor în societatea agricultorilor
Lumea animală în artă: chipuri și realitate
Elemente zoomorfe în ceramică și plastica din piatră
Câinii „persani” și „romani” în China medievală
Blănuri și pene în costumele europene medievale
De la mit la semantica landșaftului sacral
Carnea și peștele în dieta alimentară a populației Europei de Est

Redactor responsabil — Roman A. Rabinovici

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2021

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ЛАНДШАФТ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТОР

- А. В. Комар, А. В. Борисов (*Киев, Украина*). «Свои поганые» Киевской земли: этапы заселения и ландшафтно-географическая ниша кочевников в земледельческом обществе 15
- В. Д. Греков (*Харьков, Украина*). Культурно-географические условия развития военного дела Руси X — первой половины XIII вв. в свете концепции симметрического и асимметрического ответов 41
- Г. Е. Свистун, В. И. Квитковский (*Харьков, Украина*). Характер использования долины р. Большой Бабки в средневековье 47
- С. В. Васильев, Т. А. Пузанова, С. Б. Боруцкая (*Москва, Россия*), Г. Ю. Стародубцев (*Курск, Россия*), Ф. Г. Курбанова (*Москва, Россия*), А. В. Зорин (*Курск, Россия*), О. В. Руденко (*Орёл, Россия*). Природные условия и адаптация к ним у средневекового населения лесостепей 65
- В. Ю. Соболев (*Санкт-Петербург, Россия*). Природные катаклизмы 1120-х гг. и население запада Новгородской земли 77
- С. А. Салмин, Е. В. Салмина (*Псков, Россия*). «...Отложить поход до зимы»: влияние природных факторов на военные действия XIV—XV вв. на псковских границах . . . 85
- З. К. Сураганова, М. К. Хабдулина (*Нур-Султан, Казахстан*). По следам потомков небесной матери: от мифа к семантике сакрального ландшафта 99

ЖИВОТНЫЕ В ИСКУССТВЕ И БЫТУ

- Н. В. Жилина (*Москва, Россия*). Языческая программа произведений раннеславянского искусства: человек и животные 111
- Е. А. Шинаков, А. А. Чубур (*Брянск, Россия*). Животный мир в искусстве и реальности: от раннего железного века до раннего средневековья (по материалам Среднего Подесенья) 129
- Г. В. Требелева (*Москва, Россия*), С. М. Сакания (*Сухум, Абхазия*), В. А. Лобковский (*Москва, Россия*), А. С. Кизиллов (*Сочи, Россия*). Образы кошачьих в каменной пластике средневековой Абхазии (по данным новых находок Маркульской экспедиции) 147
- Н. Н. Точилова (*Санкт-Петербург, Россия*). Отказ от зооморфных элементов как одна из важных характеристик развития стиля борре в прикладном искусстве Древней Руси (на примере деревянных находок Великого Новгорода) 157
- Э. Д. Зиливинская (*Москва, Россия*), Д. В. Васильев (*Астрахань, Россия*), Е. М. Болдырева (*Москва, Россия*). Зооморфные элементы в керамике Самосдельского городища . . . 167
- М. А. Кудинова (*Новосибирск, Россия*). «Персидские» и «римские» собаки в средневековом Китае 187
- А. Э. Жабрева (*Санкт-Петербург, Россия*). Меха, перья и цветы в европейском средневековом костюме: по материалам миниатюр рукописей 195

ЖИВОТНЫЕ В КУЛЬТУРЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

- С. А. Горбаненко (*Киев, Украина*), О. П. Журавлев (†). Животноводство и охота у северян 207
- М. В. Кублий (*Киев, Украина*). Исследование состояния животноводства периода Киевской Руси по материалам раскопок памятника Игрень-8 231

- Н. В. Хамайко, М. В. Кублий, Л. В. Горобец, Е. Ю. Яниш (Киев, Украина). Не хлебом единым: мясо и рыба в рационе жителей Киевского Подола при Ярославе Мудром 239
- С. Ф. Татауров (Омск, Россия). Значение рыбы для населения русского сибирского города Тары в конце XVI — XIX веках 259

ЖИВОТНЫЕ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ

- М. М. Казанский (Париж, Франция), А. В. Мастыкова (Москва, Россия). Захоронения с конями на могильниках самбийско-натангийской культуры раннего средневековья и антропологические данные 267
- Б. Гуяш (Будапешт, Венгрия), Г. Лёринци (Сегед, Венгрия), А. А. Строков (Москва, Россия). Погребения с целыми скелетами коней в Затисье и степях Восточной Европы VI—VII вв. н. э. 281
- Н. Р. Михайлова (Киев, Украина), Т. Киркинен, К. Маннермаа (Хельсинки, Финляндия). Погребения в шкурах лося и северного оленя в железном веке и раннем средневековье в Северной Европе: этно-археологический аспект 295
- Д. А. Сташенков, А. Ф. Кочкина, М. А. Турецкий (Самара, Россия), И. Р. Газимзянов (Казань, Россия), В. В. Гасилин (Екатеринбург, Россия), А. А. Хохлов (Самара, Россия). Элитное погребение золотоордынской эпохи в Самарском Поволжье: человек, лошади и культовый комплекс 309

ПАМЯТНИКИ, КУЛЬТУРЫ, ПРОБЛЕМЫ

- Н. Н. Серегин (Барнаул, Россия), Н. Ф. Степанова (Новосибирск, Россия). «Элитное» детское погребение эпохи Тюркских каганатов из Северного Алтая 335
- М. В. Квитницкий (Тирасполь, Молдова), Н. П. Тельнов (Кишинёв, Молдова), С. Д. Лысенко (Киев, Украина), С. Н. Разумов, В. С. Синика (Тирасполь, Молдова), А. Тюрк (Будапешт, Венгрия). Ранневенгерское погребение у с. Фрумушика в Среднем Поднестровье 345
- К. А. Михайлов, А. А. Пескова (Санкт-Петербург, Россия). Валы или стены: к вопросу о реконструкции оборонительных сооружений Большого Шепетовского городища 371

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

- М. В. Ельников (Запорожье, Украина). Изделия из металла городища Большие Кучугуры (подъемный материал 1950—1970-х гг.) 379
- Х. Х. Мустафин, И. Э. Альборова (Москва, Россия), И. В. Стасюк (Санкт-Петербург, Россия). Средневековый генофонд Водской земли Великого Новгорода 397
- А. А. Новик, М. В. Домосилецкая (Санкт-Петербург, Россия). Дрок испанский (*Spartium junceum* L.) в традиционной культуре контактных зон Адриатического и Ионического побережья Балкан 411
- В. И. Цвиркун (Кишинёв, Молдова). Политическая и государственная деятельность Дмитрия Кантемира в России 423

РЕЦЕНЗИЯ

- А. А. Романчук (Кишинёв, Молдова). Пределы конструктивизма: в качестве реплики на «Slavs in the Making» Ф. Курты 435

НЕКРОЛОГ

- Н. П. Тельнов (Кишинёв, Молдова). Памяти Татьяны Федоровны Рябой 445

- Список сокращений 447

- Авторам *Stratum plus* 451

C O N T E N T S

GEOGRAPHIC CONDITIONS AND LANDSCAPE
AS A HISTORICAL FACTOR

- O. V. Komar, A. V. Borysov (*Kyiv, Ukraine*). The “Our Pagans” of the Kiev land: stages of settlement and the landscape-geographical niche of nomads in agricultural society 15
- V. D. Grekov (*Kharkiv, Ukraine*). The Cultural and Geographical Patterns of Rus’ Military Affair Development from the Tenth to the First Half of the Thirteenth Centuries in the Light of the Symmetrical and Asymmetrical Responses Concept 41
- G. E. Svistun, V. I. Kvitkovskij (*Kharkiv, Ukraine*). Nature of the Bolshaya Babka River Valley Usage in the Middle Ages 47
- S. V. Vasilyev, T. A. Puzanova, S. B. Borutskaya (*Moscow, Russian Federation*), G. Yu. Starodubtsev (*Kursk, Russian Federation*), F. G. Kurbanova (*Moscow, Russian Federation*), A. V. Zorin (*Kursk, Russian Federation*), O. V. Rudenko (*Orel, Russian Federation*). Natural Conditions and Adaptation to them in the Medieval Population of Forest-Steppes 65
- V. Yu. Sobolev (*Sankt Petersburg, Russia*). Natural Disasters of 1120s and the Population Movement in the Western Novgorod Land 77
- S. A. Salmin, E. V. Salmina (*Pskov, Russian Federation*). “...To Postpone the Campaign until Winter”: the impact of natural factors on military actions of the 14th—15th centuries on the Pskov borderlands 85
- Z. K. Suraganova, M. K. Khabdulina (*Nur-Sultan, Kazakhstan*). In the Footsteps of the Descendants of the Heavenly Mother: from Myth to the Semantics of the Sacral Landscape 99

ANIMALS IN ART AND EVERYDAY LIFE

- N. V. Zhilina (*Moscow, Russian Federation*). The Pagan Program of the Early Slavic Art: Man and Animals. 111
- E. A. Shinakov, A. A. Chubur (*Bryansk, Russian Federation*). Fauna in Art and Reality: from the Early Iron Age to the Early Middle Ages (based on materials from the Middle Desna Basin) 129
- G. V. Trebeleva (*Moscow, Russian Federation*), S. M. Sakania (*Sukhum, Abkhazia*), V. A. Lobkovskii (*Moscow, Russian Federation*), A. S. Kizilov (*Sochi, Russian Federation*). Stone Art Feline Images of Medieval Abkhazia (based on recent artifacts found during Markul expedition) 147
- N. N. Tochilova (*Saint Petersburg, Russian Federation*). The Rejection of Zoomorphic Elements as One of the Important Characteristics of the Borre Style Development in the Applied Art of Old Russia (by wooden finds from Novgorod the Great) 157
- E. D. Zilivinskaya (*Moscow, Russian Federation*), D. V. Vasiliev (*Astrakhan, Russian Federation*), E. M. Boldyreva (*Moscow, Russian Federation*). Zoomorphic Elements in Ceramics of the Samosdelsky Settlement 167
- M. A. Kudinova (*Novosibirsk, Russian Federation*). “Persian” and “Roman” Dogs in Medieval China 187
- A. E. Zhabreva (*Saint Petersburg, Russian Federation*). Furs, Feathers and Flowers in European Medieval Costume: Based on Materials from Manuscript Miniatures . . . 195

ANIMALS IN SUSTENANCE CULTURE

- S. A. Gorbanenko (*Kyiv, Ukraine*), O. P. Zhuravlyov (+). Animal Husbandry and Hunting among the Siverians 207
- M. V. Kublii (*Kyiv, Ukraine*). Exploration of the Condition of Animal Husbandry in Kyivan Rus Based on Materials of Excavations of the site Igren-8 231

- N. V. Khamaiko, M. V. Kublii, L. V. Gorobets, Ye. Yu. Yanish (Kyiv, Ukraine). Not by Bread Alone: meat and fish in the diet of residents of Kyiv Podil under Yaroslav the Wise 239**
- S. F. Tataurov (Omsk, Russian Federation). The Importance of Fish for the Population of the Russian Siberian City of Tara at the End of the 16th—19th Centuries 259**

ANIMALS IN FUNERARY SITES

- M. M. Kazanski (Paris, France), A. V. Mastykova (Moscow, Russian Federation). Burials with Horses at the Necropolis of the Sambian-Natangian Culture of the Early Middle Ages and Anthropological Data 267**
- B. Gulyás (Budapest, Hungary), G. Lőrinczy (Szeged, Hungary), A. A. Strokov (Moscow, Russian Federation). Burials with Whole Horse Skeletons in the Tiszántúl and Eastern European Steppe Region in the 6th—7th centuries AD 281**
- N. R. Mykhailova (Kyiv, Ukraine), T. Kirkinen, K. Mannermaa (Helsinki, Finland). Buried in the Elk and Reindeer Hides in the Iron Age and the Early Middle Ages in Northern Europe: an Ethno-Archaeological Aspect 295**
- D. A. Stashenkov, A. F. Kochkina, M. A. Turetsky (Samara, Russian Federation), I. R. Gazimzyanov (Kazan, Russian Federation), V. V. Gasilin (Yekaterinburg, Russian Federation), A. A. Khokhlov (Samara, Russian Federation). Elite Burial of the Golden Horde Era in the Samara Volga Region: Man, Horses and Ritual Complex 309**

SITES, CULTURE, CHALLENGES

- N. N. Seregin (Barnaul, Russian Federation), N. F. Stepanova (Novosibirsk, Russian Federation). “Elite” Children’s Burial of Turkic Khaganates Period from the Northern Altai . . . 335**
- M. V. Kvitnytskyi (Tiraspol, Moldova), N. P. Telnov (Kishinev, Moldova), S. D. Lysenko (Kyiv, Ukraine), S. N. Razumov, V. S. Sinika (Tiraspol, Moldova), A. Türk (Budapest, Hungary). Early Hungarian Grave near Frumușica Village in the Middle Dniester Region . . . 345**
- K. A. Mikhajlov, A. A. Peskova (Saint Petersburg, Russian Federation). Ramparts or Walls: on the Question of the Reconstruction of Defensive Structures of the Large Fortified Settlement near Shepetovka 371**

RESEARCH AND PUBLICATIONS

- M. V. Elnikov (Zaporizhzhia, Ukraine). Metal Products of the Bolshiye Kuchugury Hillfort (stray finds of 1950—1970s). 379**
- Kh. Kh. Mustafin, I. E. Alborova (Moscow, Russian Federation), I. V. Stasyuk (Saint Petersburg, Russian Federation). Medieval Gene Pool of the Vod’ Land of Novgorod the Great . . . 397**
- A. A. Novik, M. V. Domosiletskaya (Saint Petersburg, Russian Federation). Spanish Broom (*Spartium junceum* L.) in the Traditional Culture of the Contact Zones of the Adriatic and Ionian Coasts in the Balkans 411**
- V. I. Tsvirkun (Kishinev, Moldova). Political and Governmental Activities of Dmitry Kantemir in Russia 423**

REVIEW

- A. A. Romanchuk (Kishinev, Moldova). The Limits of Constructivism: a Comment to the “Slavs in the Making” of F. Curta 435**

OBITUARY

- N. P. Telnov (Kishinev, Moldova). Ad memoriam Tatiana F. Ryaboy 445**

Abbreviations 447

Submissions 451

А. А. Романчук

Пределы конструктивизма: в качестве реплики на «Slavs in the Making» Ф. Курты

Keywords: the origin of Slavs, archaeology, linguistics, F. Curta's hypothesis

Cuvinte cheie: proveniența slavilor, arheologie, lingvistică, ipoteza lui F. Curta

Ключевые слова: происхождение славян, археология, лингвистика, гипотеза Ф. Курты

A. A. Romanchuk

The Limits of Constructivism: a Comment to the “Slavs in the Making” of F. Curta

The article critically considers the renewed version of F. Curta's “Making of Slavs” hypothesis. The author tried to demonstrate that the theoretical grounds of the discussed hypothesis and its argumentation cause serious objections. F. Curta's hypothesis still does not appear more convincing, even in its new version. However, his text is read with interest and also awakens the thought and imagination of the readers.

A. A. Romanchuk

Limitele constructivismului: în calitate de replică la „Slavs in the Making” de F. Curta

În articol este analizată critic versiunea reînnoită a ipotezei lui F. Kurta privind proveniența slavilor, prezentată de el în noua monografie scoasă de sub tipar în anul trecut. Autorul s-a străduit să arate că atât bazele teoretice ale acestei ipoteze, cât și argumentarea ei chiar în noua variantă trezesc obiecții serioase. Și la noul nivel de argumentare ipoteza lui F. Kurta totuși nu a devenit mai convingătoare. Cu toate acestea, ca și anterior, textul lui se lecturează cu interes — și tot așa trezește gândirea și fantezia cititorilor.

A. A. Романчук

Пределы конструктивизма: в качестве реплики на «Slavs in the Making» Ф. Курты

В статье критически рассматривается обновленная версия гипотезы Ф. Курты о возникновении славян, представленная им в вышедшей в прошлом году новой монографии. Автор постарался показать, что как теоретические основания этой гипотезы, так и ее аргументация даже в новом варианте вызывают серьезные возражения. И на новом уровне аргументации гипотеза Ф. Курты все же не стала убедительнее. Однако, как и прежде, его текст читается с интересом — и всё так же будит мысль и фантазию читателей.

Оксане Грама с благодарностью
за вдохновение

Итак, Ф. Курта написал новую книгу (Curta 2021) на тему «рождения славян».

Признаться, как и большинство археологов — впрочем, как признает сам Ф. Курта, не только археологов, но и историков, и лингвистов (Curta 2021: 1), — я весьма скептически воспринял его предыдущую монографию (Curta 2001) на эту тему.

Причем, в данном случае у меня имелся еще один повод для скептицизма: англо- и русскоязычные читатели (в основном — мало знакомые с румынской историографией), как кажется, недооценивают то, до какой степени ключевые тезисы «*The Making of the Slavs*» представляют собой попросту перевод на английский (и на язык такой теорети-

The article is supported by the Institute of Cultural Heritage and the State Programme of the Republic of Moldova (2020—2023) 96-PS 20.80009.1606.02: Evolution of traditions and ethnic processes in Moldova: theoretical and applicative support to promote ethno-cultural values and social cohesion ■ Articolul este pregătit în cadrul Institutului Patrimoniului Cultural și al proiectului programului de Stat al Republicii Moldova (2020—2023) 96-PS 20.80009.1606.02: Evoluția tradițiilor și procesele etnice în Republica Moldova: suport teoretic și aplicativ în promovarea valorilor etnoculturale și a coeziunii sociale) ■ Статья подготовлена в рамках Института культурного наследия и проекта Государственной программы Республики Молдова (2020—2023) 96-PS 20.80009.1606.02: Развитие традиций и этнических процессов в Республике Молдова: теоретико-прикладная основа в целях продвижения этнокультурных ценностей и социальной сплоченности.

© Stratum plus. Археология и культурная антропология.

© А. А. Романчук, 2021.

ческой парадигмы, как конструктивизм) очень старой и популярной в румынской литературе «песни о славянах» (подробнее: Романчук 2015) — суть которой вполне можно передать старым анекдотом о «низенько» летающих крокодилах.

Впрочем, с другой стороны, мне кажется явным, что в концептуальном отношении на «*The Making of the Slavs*» в значительной степени повлияли (прямо или опосредовано) и работы тех представителей советской археологии (и лингвистики), которые (при всем разнообразии их позиций) придавали ключевое значение «дунайскому эпизоду» в происхождении славян — видя в нем решающее событие славянского этногенеза, после (и в результате) которого славяне, собственно, и «становятся славянами».

Здесь следует прежде всего отметить М. Б. Щукина и Д. А. Мачинского из археологов и историков, и В. Н. Топорова — из лингвистов.

Между тем, в списке литературы первой монографии Ф. Курты о происхождении славян (Curta 2001) ни Д. А. Мачинский, ни В. Н. Топоров даже не упомянуты. А М. Б. Щукин упомянут лишь в связи с его достаточно ранней и второстепенной статьей по поводу хронологии Черняховской культуры в контексте истории славян.

Тем приятнее видеть, что в новой монографии Ф. Курты (Curta 2021) указанные авторы попали, по крайней мере, в список литературы.

Однако, как кажется, Ф. Курта и в новой книге использовал их работы в чисто «ритуальных» целях. И уж тем более не указал на них как на один из источников (не говоря уже — ключевых) в формировании предлагаемой им концепции.

Так, в отношении концепции В. Н. Топорова Ф. Курта ограничился одним предложением: «Vladimir N. Toporov ... once noted that there were no Slavs in prehistory, and that the absence of any mention of Slavs in Roman-age sources shows that no Slavs existed at that time either. However, his cautionary remark was simply ignored» (Curta 2021: 26) (то есть, в переводе: «Владимир Н. Топоров ... однажды заметил, что в эпоху преистории славян еще не было, и отсутствие каких-либо упоминаний о славянах в письменных источниках римского времени показывает, что их не было еще и в это время. Однако, его предостережение было попросту проигнорировано»).

Как видим, «there were no Slavs in prehistory» В. Н. Топорова — это именно то, что пытается

доказать, хоть и двигаясь в совершенно ином направлении, и Ф. Курта.

И, между тем, речь идет отнюдь не об единичной ремарке В. Н. Топорова — но о достаточно развернутой концепции, развитой им во многих своих работах. И точка зрения В. Н. Топорова отнюдь не была «проигнорирована» (как полагает Ф. Курта) — но оказала весьма мощное влияние на историографию. В частности, именно выводы В. Н. Топорова положил в фундамент лингвистической стороны своей концепции «рождения славян» М. Б. Щукин (Щукин 1997).

Впрочем, самому М. Б. Щукину (как и Д. А. Мачинскому) и в новой книге Ф. Курты «повезло» немногим более. Фактически, он цитируется Ф. Куртой мельком (три или четыре раза). И в основном лишь по поводу хронологического разрыва между Черняховской (или, в другом месте — Зарубинецкой) культурой и теми более поздними памятниками, которые те или иные исследователи пытаются связать со славянами — тогда, когда нужно показать наличие критических оценок этих точек зрения (Curta 2021: 32, 223)¹.

Все это, на мой взгляд — весьма серьезное упущение со стороны Ф. Курты. И хотя, разумеется, он строит совершенно иное «здание» — но, полагаю, негоже «строителю» забывать, откуда он берет «кирпичи» и «раствор». Помимо прочего, это всегда идет лишь на пользу строящемуся «зданию».

Вместе с тем, должен также сразу заметить, что при самом скептическом отношении к трудам Ф. Курты вообще, и упомянутой его первой монографии (Curta 2001) в частности, мы ни в коем случае не должны упускать из вида и то, какое огромное влияние оказала эта монография на научное (а еще более — околону научное) сообщество, и какой всплеск дискуссионный породила. Даже если Ф. Курта ошибался от первого и до последнего слова, уже это, по справедливости, заслуживает самой высокой оценки и признания.

И, поэтому, тем более интересно посмотреть, что же изменилось в концепции Ф. Кур-

¹ Тем забавнее читать, что «Shchukin's idea that the Slavs originated in the forest belt of Eastern Europe is not entirely original. ... Shchukin most likely reacted to the translation into Russian of the most important study on that problem» (Curta 2021: 43) (в переводе: «идея Щукина о происхождении славян в лесной зоне Восточной Европы не совсем оригинальна ... Скорее всего, Щукин отреагировал на появление русского перевода наиболее важного исследования по данной проблеме»). Под «наиболее важным исследованием» подразумевается известная статья Й. Вернера.

ты спустя двадцать лет времени и критических отзывов.

Что ж, если пытаться самым кратким образом представить ключевую «инновацию» новой книги Ф. Курты, то сам он, пожалуй, сформулировал ее следующим образом: «the issue at stake is whether one should approach (Common) Slavic as a *lingua franca* or a *koiné*» (Curta 2021: 1).

То есть, в переводе: «на карту поставлен вопрос о возможности рассматривать праславянский язык как *лингва франка* или *койне*».

Развивая это программное заявление, Ф. Курта обращается к выводам социолингвистики — тех ее представителей, которые пытаются предложить альтернативную модель происхождения славянских языков (и критику «лингвистической палеонтологии»). И предлагает рассматривать возникновение праславянского языка именно как процесс формирования *койне* (Curta 2021: 26).

Как можно видеть, заявка весьма серьезная. Но насколько Ф. Курта преуспел в ее реализации?

Стержнем аргументации своей идеи Ф. Курта избрал попытку обосновать (точнее: привести ссылки на авторов, пытающихся это сделать) гипотезу о том, что праславянский язык возник как *контактный язык* в результате балто (балто-славяно)-ирано-фракийского взаимодействия (Curta 2021: 170—172, 23—24)².

Прежде чем рассмотреть эту гипотезу (и ее аргументацию Ф. Куртой со товарищи) подробнее, отметим сразу принципиально важный момент: в новой версии концепции Ф. Курты появляются (и приобретают ключевое значение) «балто-славяне», которые (точнее, по мысли Ф. Курты, язык которых — обсудим это ниже) продвигаются на Нижний Дунай (в широком понимании) и там, во взаимодействии с носителями фракийских и иранских диалектов, превращаются в славян.

То есть, де факто Ф. Курта пришел, хоть и не проговорил это, к версии (пусть и весьма своеобразной) концепции Топорова-Щукина-Мачинского. И, мне кажется, ему следовало бы это специально озвучить.

Впрочем, вернемся к вопросу о предлагаемой Ф. Куртой аргументации для идеи о возникновении праславянского как *контактного языка*.

В качестве теоретического введения для столь существенного вывода он, что примечательно, использует цепочку суждений (занимающую не более, чем полторы страницы), которая должна была бы, по замыслу автора, убедить (но, увы, по крайней мере меня — не убеждает) читателя в том, что «It is simply impossible to know what the language was that was spoken within communities living on sites attributed to the Prague culture» (Curta 2021: 170) (в переводе: «попросту невозможно установить, на каком языке разговаривали общности людей, обитавшие на поселениях, атрибутируемых Пражской культуре»).

Забавно, что для «обоснования» своего тезиса о полной невозможности идентификации языка носителей Пражской культуры Ф. Курта ссылается на работы С. Отермана — специалиста по археологии индейцев пуэбло (тева).

Увы, но в таких случаях примеры — ничего не доказывают. Кроме того, что могло быть и так. А могло — и нет. Программная же идея англо-американской антропологии о многолинейности социальной эволюции, возникшая фактически как реакция на европоцентризм, имеет, очевидно, и обратную силу. Нельзя согласиться с тем, что выводы, полученные в результате наблюдений над австралийскими аборигенами, бушменами или индейцами пуэбло, пытаются автоматически экстраполировать на европейский Барбарикум эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья. Т. е., на народы, прошедшие совсем другой исторический путь, накопившие совершенно иной социальный опыт и создавшие к рассматриваемому моменту совершенно иной антропосоциальный ландшафт.

Утверждать невозможность установления языковой принадлежности носителей Пражской культуры можно, лишь тщательно и убедительно доказав именно этот тезис. Такого доказательства представлено не было — и, я убежден, любая попытка такого рода заведомо обречена на провал.

Впрочем, продолжим представление «аргументации» Ф. Курты.

«Установив», таким образом, полное отсутствие «твердой почвы под ногами» тех, кто пытается утверждать, что язык упоминаемых в письменных источниках склавингов и антов (очевидных предков по крайней мере части из более поздних славянских народов — в чем, как кажется, не сомневается и сам Ф. Курта) был славянским, Ф. Курта далее заявляет о принципиальной гипотетичности любых суждений о праславянском языке

² О понятии и характеристиках контактных языков см.: Головки 2016.

ке — но оговаривает, что некоторые сценарии представляются ему все же более предпочтительными (Curta 2021: 170).

В качестве условий, которым «более предпочтительные» сценарии должны отвечать, Ф. Курта, во-первых, цитирует мнение тех (Г. Лант, Х. Поповска-Таборска), кто сомневается в том, что праславянский мог быть результатом миграций — поскольку в процессе миграций должен был происходить как раз распад языка³. И, во-вторых, тут же приводит (с отсылкой к работе Г. Хольцера) вывод (в принципе — общепринятый) лингвистов о том, что праславянский язык сформировался в области, граничащей с германскими языками на северо-западе, фракийскими — на юго-западе, балтийскими — на севере и иранскими — на юго-востоке (Curta 2021: 170).

И, наконец, завершает Ф. Курта свою «аргументацию» отсылкой к выводу, наиболее ему импонирующему, и предлагающему «... to treat (Common) Slavic as a convergence of Balto-Slavic, Iranian, and Thracian dialects. This nicely dovetails with the recent idea that, instead of *lingua franca*, Common Slavic must be regarded as a *koiné*» (Curta 2021: 170) (в переводе: «... трактовать общеславянский язык как конвергенцию балто-славянских, иранских и фракийских диалектов. Это прекрасно согласуется с новой идеей, согласно которой общеславянский язык следует рассматривать не как *лингва франка*, но как *койне*»).

Речь здесь, собственно, идет о гипотезе румынского же (не могу не отметить) лингвиста С. Палиги (Curta 2021: 24).

И, как можно видеть, в качестве «аргументации» предлагаемой гипотезы Ф. Куртой используется «наличие мнения» в литературе. Причем надо заметить, что насколько справедлив и общепринят в науке вывод о локализации праславянской прародины в зоне «между германцами, балтами, фракийцами и иранцами», настолько же из него никак не следует верность гипотезы С. Палиги.

Но, вне зависимости от ее справедливости, представляется очевидным, что даже будь так, это нисколько не приближает Ф. Курту к доказательству того, что праславянский язык возник именно в ожидаемое им время

(около 600 г. н. э.) и в предполагаемом им месте (фактически территория современной Румынии и прилегающие с северо-востока территории).

Тем более что он сам принципиально настаивает, что современная лингвистика зашла в тупик в вопросе как насчет хронологии языковых изменений, так и локализации изначальной славянской территории (Curta 2021: 21—26). А предпочитаемый им «социолингвистический подход» (точнее, круг авторов, излагающий симпатичные Ф. Курте идеи по поводу возникновения праславянского как *контактного языка*) по определению не ставит своей целью поиск иных методов установления хронологии языковых событий и их локализации в пространстве.

Если уж придерживаться избранной Ф. Куртой специфической логики — то нужно быть последовательным в ее применении.

Впрочем, обращение к работам собственно С. Палиги и В. Бочека, на взгляды которых опирается в своих лингвистических суждениях о праславянском языке Ф. Курта, заставляет усомниться и в самой идее возникновения праславянского как *контактного языка*.

Как работы С. Палиги (Paliga 1988; 2003; 2006; 2012; Paliga, Teodor 2009), так и В. Бочека (Boček 2014), преследующие цель обосновать гипотезу о праславянском как *контактном языке*, имеют, на мой взгляд, характер, скорее, декларативный — нежели аргументативный.

Возможно, это слишком резкое суждение с моей стороны. Однако, по знакомству с указанными работами С. Палиги и В. Бочека, у меня сложилось впечатление, что они, отправляясь от всеми признаваемого (в отношении фракийских — скорее, пожалуй, предполагаемого) факта наличия в праславянском иранских и фракийских лексических заимствований, далее просто делают весьма смелое (и — ничем не подкрепляемое) следующее предположение: о том, что праславянский и возник именно как результат контактного взаимодействия балто-славянских, иранских и фракийских диалектов.

Однако простого наличия заимствований в том или ином языке — совершенно недостаточно для того, чтобы признавать его *контактным языком* (а тем более — *смешанным*, как фактически предлагает уже Ф. Курта; неслучайно, во всем мире на сегодняшний день известно всего лишь около двух десятков *смешанных языков* (Головкин 2016)). Иначе при таком подходе аннигилируется само понятие *контактных языков*, и любой язык нужно считать контактным.

³ Здесь Ф. Курта (или исследователи, на которых он ссылается) фактически оспаривает им же созданную конструкцию — построенную на тезисе, что праславянский язык возникает лишь очень поздно, уже в эпоху расселения славян по Европе. Разумеется, если было бы так — то были справедливы и эти сомнения. Но это, увы, очевидно не так.

Поэтому представляется очевидным, что лишь весьма значительная доля заимствований, превышающая определенное пороговое значение, дает нам основание применять к тому или иному языку определение *контактный язык*.

Между тем, если говорить об иранских заимствованиях в праславянском, то и сам С. Палига признает их количественную незначительность: «elementele iranice (vest-iranice) nu sunt numeroase in limbile slave» (Paliga, Teodor 2009: 201) (в переводе с румынского: «иранские (западно-иранские) элементы немногочисленны в славянских языках»). Если же обратиться, в частности, к работам такого крупного специалиста, как Дж. Эдельман (кстати, Ф. Курта ссылается на нее именно в таком качестве — но, тогда, насколько внимательно он ее работу читал?), то ситуация окажется еще менее благоприятной для идеи о праславянском как *контактном языке*.

Так, Дж. Эдельман указывает, что «в обзоре Х. Бирнбаума ... подчеркивается, что «более или менее четких иранских компонентов в древнейших славянских лексических пластах на удивление мало ...» (Эдельман 2002: 141). Далее она отмечает, что, в частности, предложенный А.А. Зализняком перечень иранских заимствований в праславянский был в значительной части оспорен О.Н. Трубачевым (Эдельман 2002: 174). И Дж. Эдельман обращает внимание на то, что «даже при сходстве рефлексов иранских и славянских рефлексов индоевропейского слова иногда бывает трудно установить их исконный или заимствованный характер и — в последнем случае — установить источник (и) заимствования. ... Практически каждое слово иранского или славянского лексикона при их сравнении нуждается в тщательном хронологическом, географическом и этнокультурном комментарии» (Эдельман 2002: 167).

Увы, но как раз «тщательного хронологического, географического и этнокультурного комментария» предполагаемых праславянских иранизмов (да и фракизмов) в работах С. Палиги и В. Бочака, на мой взгляд, и не хватает.

В целом же, из выводов Дж. Эдельман следует, как мне кажется, что предположение С. Палиги о праславянском как *контактном языке*, с решающим участием в первую очередь иранского (и, затем — фракийского) компонента — не может быть принято⁴.

Тем более, думаю, такое умозаключение верно для предполагаемого С. Палигой участия фракийских диалектов в генезисе праславянского. Во-первых, мы вообще слишком мало знаем о фракийском языке. Во-вторых, и сам С. Палига в качестве аргументации приводит всего лишь несколько слов, менее десятка (точнее — восемь), предполагаемых им в качестве заимствованных в праславянский (и румынский) из фракийского (Paliga 2012: 348—350). Как он сам отмечает, «достаточно короткий список» («It is quite a short list» (Paliga 2012: 348)).

Причем, некоторые из предлагаемых им этимологий — очевидно и сразу не выдерживают критики. Как, в частности, румынское *smântână* ‘сметана’ — для которого имеется абсолютно аргументированная славянская этимология (см, в частности, работы Н.С. Раевского (Raevschi 1998)). И, как сам С. Палига указывает (Paliga 2010: 105, footnote 1) в связи с выдвинутым им предположением о фракийском происхождении славянского числительного *сто*, эта этимология была встречена лингвистами со значительным скепсисом и охарактеризована как «наименее аргументированная/обоснованная» («najmanj utemeljeno», на словенском).

Насколько аналогичный скепсис вызывают прочие его этимологии — судить не берусь. Однако могу предположить, что все же вызывают — чему способствуют и проявляемое им в ряде случаев недостаточное внима-

ваний в праславянский язык. Они представляют собой результат суммирования многих контактов между славянами и иранцами в течение весьма длительного периода времени — а не результат «единичного» события, как того требует логика гипотезы С. Палиги и Ф. Курты.

Не следует, думаю, также забывать о принципе признания изначальной диалектной расчлененности праславянского языка (а он мне представляется полностью справедливым). Из него же следует, что даже в случае иранских заимствований, имеющих общеславянское распространение, ирано-славянские (как и любые другие: славяно-фракийские, славяно-германские и т.д.) контакты в действительности реализовывались как сепаратные (и, опять-таки — разновременные) отдельных праславянских диалектов с различными иранскими.

При этом “polono-iranica”, очевидно, должна объясняться не походами скифов в ареал Лужицкой культуры — как предполагал О.Н. Трубачев (Эдельман 2002: 144), а тем, что в период расселения славян по Европе, когда происходил распад прежних праславянских диалектных общностей и формирование новых, в сложении «предзападнославянских» (очень удачный термин Дж. Эдельман) диалектов существенное участие приняли какие-то праславянские группы, ранее обитавшие восточнее (или южнее — на Среднем Дунае) и активно контактировавшие с иранскими.

⁴ Более того, приводимые Дж. Эдельман данные (в том числе — что касается т.н. «polono-iranica» О.Н. Трубачева), как кажется, вполне очевидно свидетельствуют о разновременности иранских заимство-

ние к историографии, и особенности используемой им аргументации⁵.

Очень слабым местом в построениях С. Палиги (и, соответственно — Ф. Курты) является также то, что он, для устранения хронологических неувязок в выдвигаемой им гипотезе, вводит тезис о доживании не-ассимилированных, не-романизованных, фракийских групп (карпов и костобоков) в Карпато-Днестровском регионе вплоть «до VI века н. э. и даже позднее» (Paliga 2003: 13). Введение такого тезиса вполне понятно — если датировать возникновение праславянского языка так, как предлагают С. Палига и Ф. Курта («около 600 г. н. э.», напомним), то это оказывается слишком поздно для достоверно фиксируемых письменными источниками и археологией т. н. «свободных даков», карпов и костобоков.

Но также очевидно, что простым декларированием их столь позднего существования проблему хронологических неувязок не решить. И, хотя я вполне могу чисто теоретически допустить доживание остатков фракийского населения в Восточном Прикарпатье (но только в виде населения субстратного, находящегося в процессе ассимиляции сначала в составе Черняховской культуры, а позже — уже славянами) до VI в. н. э., но для того, чтобы это утверждать — нужно сначала доказать.

Впрочем, на самом деле аналогичная хронологическая неувязка в концепции С. Палиги-Ф. Курты существует и по отношению к предполагаемому ими иранскому участию в генезисе праславянского. VI век н. э. — это тоже слишком поздно для такого сценария.

Таким образом, полагаю, из вышесказанного уже достаточно ясно следует, что идея возникновения праславянского как *контактного языка*, положенная Ф. Куртой в основу новой

версии своей гипотезы, критики не выдерживает и действительности не соответствует.

Впрочем, у Ф. Курты также совершенно без ответа остается и принципиальный вопрос: а в рамках какой системы контактов, взаимодействий, общения возникло предполагаемое праславянское койне?

Потому что любое койне не может возникнуть в безвоздушном пространстве. Его причиной, «материальным носителем», на котором оно возникает, всегда служит некая система взаимодействий.

Собственно, сам этот принцип прекрасно осознается и самим Ф. Куртой: «The implication is that koineization cannot happen without speakers having frequent and consistent contact with each other: intimate social interaction between speakers of the different varieties in contact is a *sine qua non* of *koiné* formation» (Curta 2021: 171) (в переводе: «Разумеется, «койнезация» не может произойти без частых и стабильных контактов носителей разных языков: теснейшее социальное взаимодействие между носителями языков, находящихся в состоянии контакта, является непременным условием формирования *койне*»).

Однако этот абсолютно верный тезис так и не сопровождается ответом на поставленный выше вопрос. Ф. Курта ограничивается констатацией очевидных теоретических положений — завершая эту констатацию весьма показательным (нет, не выводом) предположением: «Even if it is far from clear where the *koiné* was formed, speakers of Balto-Slavic, Iranian, and Thracian must have had multiple and frequent contacts. Social and sociopsychological conditions during the 6th century in the area where those contacts took place must have been sufficiently favorable for linguistic convergence to take place and the Slavic *koiné* to emerge» (Curta 2021: 171) (в переводе: «даже если очень далек от ясности вопрос, где возникло это койне, носители балто-славянских, иранских и фракийских диалектов должны были иметь многочисленные и частые контакты. Социальные и социально-психологические условия в VI в. в области, где эти контакты происходили, должны были быть чрезвычайно благоприятны для языковой конвергенции и возникновения общеславянского *койне*»).

Разумеется, никто не будет возражать, что для того, чтобы предполагаемое праславянское койне возникло, «носители балто-славянских, иранских и фракийских диалектов должны были иметь множественные и частые контакты». Вопрос, еще раз повторю, в другом: где, когда, и в рамках какой си-

⁵ Вместе с тем, проблема в объяснении происхождения славянского *сто* на балто-славянской почве действительно имеется — и она вынуждает исследователей пытаться объяснить его как заимствование.

Заслуживают, на мой взгляд, внимания и предложения С. Палиги (Paliga 2003: 28—32; Paliga, Teodor 2009: 208) по фракийской этимологии румынских *jurân* ‘глава жупы (общины)’ и *stapân* ‘хозяин’ (и, соответственно — их славянских аналогий) — действительно подкрепляемых обращением к фракийской ономастике. Однако при этом С. Палига, опять-таки, никак не учитывает наличия очевидных иранских параллелей, фиксируемых, в частности, в ср.-персидском и диалектах таджикского (Эдельман 2002: 178).

стемы взаимодействий эти контакты могли происходить?

И вопрос тем более существенный, что, согласно карте того же С. Палиги (Curta 2021: 24, fig. 2.1), контактный ареал, в котором произошло формирование праславянского, простирается от Днепра до Южной Польши и Румынии. Но даже если ограничиться пределами Карпато-Дунайского региона и прилегающих с северо-востока ближайших территорий, то и это на самом деле достаточно обширная зона⁶.

Значимость вышеозначенного вопроса возрастает до степени чрезвычайной, если принять во внимание и тот факт, что Ф. Курта, будучи принципиальным, как он сам неоднократно заявляет, противником масштабных миграций, фактически предлагает модель «миграция языка без миграции людей». То есть, по его мысли, языковой сдвиг у носителей фракийских диалектов, и их переход на новый, превращающийся в результате контактов в праславянский, язык — произошел без какого-либо существенного продвижения балто-славянского населения в Карпато-Дунайский регион.

Тезис об отсутствии миграций при предполагаемом им варианте возникновения праславянского языка Ф. Курта доказывает, обращаясь как к данным археологии — так и апеллируя к данным генетики: “there is no genetic evidence of a (massive) migration of the Slavs to (East)Central European territories, which they presumably occupied after they had been vacated by Germanic tribes” (Curta 2021: 165) (в переводе: «нет генетических свидетельств (массовой) миграции славян на территории Восточной и Центральной Европы, которые они предположительно заняли после того, как их покинули германские племена»).

Правда, вся «генетическая аргументация» с его стороны уместается в один абзац текста и пару цитированных статей (слишком старых — учитывая современные темпы развития генетических исследований). И уже в этом одном абзаце Ф. Курта допускает и весьма серьезные неточности, причис-

ляя гаплогруппу R1a1 Y-хромосомы к митохондриальным: «a few mtDNA subclads (such as U4a2a, U4a2, HV3a, and R1a1) ... subhaplogroup R1a1a7 (mutation M458)» (Curta 2021: 164) («несколько гаплогрупп митохондриальной ДНК (таких, как U4a2a, U4a2, HV3a, и R1a1) ... гаплогруппа R1a1a7 (мутация M458)»).

Не имея здесь возможности останавливаться на данных генетики подробнее, ограничусь приведением итогового вывода недавней диссертации М. И. Чухряевой. Вывод этот, следует пояснить, представляет собой фактически результат многолетних исследований большого коллектива ученых во главе с Е. В. Балановской и О. П. Балановским.

Итак: «Результаты теста Мантеля и другие проведенные виды анализа единогласно указывают, что распространение славянских языков по обширным территориям не привело к кардинальным изменениям генофонда населения этих территорий. Следовательно, генофонд современных славян был сформирован преимущественно за счет автохтонного субстрата, а влияние древних славян было преимущественно культурным и не оставило заметных следов в генофонде коренного населения Европы. Однако для отдельных групп славян показано, что генетическая близость совпадает с лингвистической подразделенностью. Это позволяет все-таки сделать заключение о том, что распространение славянских языков шло не только путем культурной передачи языка, но также сопровождалось и миграциями населения, пусть и оставившими слабый след в генофонде» (Чухряева 2018: 109).

Ф. Курту, разумеется, очень обрадовала бы первая часть этого вывода. Но на мой взгляд, акцент здесь следует делать именно на его второй части. Малая заметность славянских миграций в генетических данных определяется всего лишь современными возможностями генетики. И полагаю, что дальнейшее развитие инструментария генетических исследований будет приводить ко все большему увеличению наших знаний именно о миграционной компоненте распространения славян по Европе.

При этом надо учитывать также то, что славянские миграции происходили преимущественно в ареале, который с очень давних пор, еще с эпохи бронзы (по крайней мере), представлял собой единое контактное пространство — образно выражаясь, «котел», население которого, представленное множеством

⁶ И, кстати, если видеть в качестве контактного ареала Карпато-Дунайский регион, то возникает и другой вопрос: а почему в основу возникающего койне легла не дунайская латынь? Которая, очевидно, и служила в регионе международным языком общения в предшествующую появлению славян эпоху. Вопрос этот также не только остается без ответа, но даже Ф. Куртой и не ставится.

этнокультурных группировок, в ходе многочисленных разнонаправленных (как с востока на запад, и с севера на юг — так и в обратных направлениях) миграций все это время постепенно «уваривалось» в общий «генетический бульон». Уловить в этом «бульоне» следы поздней миграции много сложнее, чем если бы речь шла о миграции с отдаленной территории — и группы, сильно отличающейся в генетическом отношении от населения ареала, куда направлена миграция.

Впрочем, даже в этом случае генетический след миграции может быть весьма слабым — как хорошо показывает пример монгольского завоевания Восточной Европы. Исторически бесспорный факт, это завоевание, тем не менее, данными генетики на сегодняшний день практически не улавливается. Что ведь, разумеется, не заставит нас отрицать, что монгольское нашествие все же было?

Что же касается археологической стороны аргументации тезиса об «отсутствии миграций» Ф. Куртой, то она фактически сводится к тому, что «... local taxonomies of handmade pottery attributed to the Prague type and dated between the 6th and the 7th century rarely overlap, and ceramic types that appear in one region are not known in another» (Curta 2021: 160) (в переводе: «... локальные типологии лепной керамики, отнесенной к пражскому типу и датируемой между VI и VII веками, редко полностью совместимы, а типы керамики, которые существуют в одном регионе, неизвестны в другом»).

Не имея здесь возможности подробно это утверждение разбирать, ограничусь тем, что безусловное и всеми признаваемое наличие локальной специфики отнюдь не ведет к аннигиляции понятия Пражской культуры — как того хотелось бы Ф. Курте.

Нисколько не преуменьшая роль локальных субстратов в формировании славянских археологических культур и языков в ходе расселения славян по Восточной Европе, мы никак не можем, на мой взгляд, отрицать, что это было именно расселение — и, соответственно, в основе этого процесса лежали именно миграции.

То, что славянские языки столь быстро распространились на столь огромную территорию и быстро же ассимилировали субстратные группы, определяется, как я отмечал ранее (Романчук 2015), двумя основными факторами.

Во-первых, расселение славян по Восточной Европе началось, видимо, существенно раньше их фиксируемого письменными ис-

точниками выхода на историческую сцену — в том числе и что касается проникновения в Подунавье⁷.

И, во-вторых, в значительной части будущего славянского ареала миграции славян были направлены на территории, где преимущественно обитало близкое им в языковом и этническом отношении население. Именно поэтому оно, надо полагать, столь быстро и славянизировалось. В противном случае, как показывает цитированный мной в (Романчук 2015) пример со славянами-вендами в Германии, которые более пяти-сот лет (а в виде ассимилированных остатков — даже вплоть до прошлого века) сохраняли свою идентичность, культуру и язык, быстрой славянизации вряд ли пришлось бы ожидать.

Ну, и в-третьих, по всей видимости, мигрирующие славянские группы были не столь уж незначительны по численности. В противном случае, опять-таки, славянизации Восточной Европы, думаю, не пришлось бы.

Завершая этот текст, стоит все же отдельно остановиться еще на двух моментах.

Во-первых, на вновь повторенном предложении Ф. Курты связывать распространение славянских языков по восточной части Центральной Европы с аварскими завоеваниями (Curta 2021: 174). Идея эта в свете последних достижений археологии не выдерживает, увы, никакой критики. Максимально емко это выразил И. О. Гавритухин: «работы И. Станчу способствовали краху последних прибежищ некогда господствовавшей среди ряда ученых теории о появлении славян в Карпатском бассейне лишь с аварами. Она всегда была не более чем умозрительным построением, но теперь писать об этом могут

⁷ Об этом мы можем судить уже по фиксируемому присутствию пражской керамики в лангобардских, гепидских и ранних аварских могильниках Подунавья (Гавритухин 2015: 19—20); присутствию керамических форм, близких к пражским, на некоторых поздних памятниках Пшеворской культуры в восточной части ее ареала (Шукин 1997: 115—116); достаточно заметным ранним лексическим заимствованиям со стороны дунайской латыни и проторумынского языка в праславянский (Raevschi 1998: 27) — они отмечаются, кстати, и Ф. Куртой (Curta 2021: 23), со ссылкой, правда, почему-то на работы С. Палиги. Полагаю, что дальнейшие исследования в этом направлении еще удревят время появления на Дунае и у Юго-Восточных Альп первых просачивающихся групп населения, близкого (будущим) славянам в языковом и этническом отношении.

лишь те, кто игнорирует археологию как науку» (Гавритухин 2015: 21).

Сказанное И. О. Гавритухиным по поводу «аварской гипотезы расселения славян» полностью верно не только для Карпатского бассейна, но и вообще для всего позднепраславянского ареала. И, полагаю, не требует дальнейших комментариев.

Второй из требующих специального внимания моментов касается идеи (прежде всего С. Палиги — но и Ф. Курты) о необходимости размещать прародину славян в Карпато-Дунайском регионе в силу наличия следов ранних, на уровне дунайской латыни и проторумынского языка, славяно-румынских контактов (Curta 2021: 23).

Следы таких контактов действительно имеются. Но из них никак не следует, что славяне возникают на Дунае.

На самом деле, все гипотезы, пытающиеся сегодня возродить точку зрения О. Н. Трубачева о «дунайской прародине славян», не учитывают, что фиксируемые ими «дунайские следы» (как в языке, так и в материальной культуре) объясняются либо более поздними обратными миграциями славян с Дуная (в частности, последовавшими после падения Аварского каганата). Либо же — вообще трансляцией информации с Дуная по цепочке позднепраславянских диалектов и археологических культур.

Хорошей иллюстрацией здесь служит как раз связанное по происхождению с именем Карла Великого славянское слово *король* — которое М. Б. Щукин (вслед за лингвистами, разумеется) трактовал как свидетельство того, что «общеславянское состояние языка суще-

ствовало именно во времена Карла или вскоре после него» (Щукин 1997: 119).

Увы, как отмечает (справедливо, на мой взгляд) М. А. Живлов в своей рецензии на монографию С. Пронк-Титхофф «Германские заимствования в праславянском», «Вопрос, который остается без ответа, — какие именно общие инновации достаточны для того, чтобы продолжать говорить о праславянском? На с. 111, где обсуждается слово **korljь* ‘король’, восходящее к имени Карла Великого, мы читаем: «Тот факт, что **korljь* очевидно относится к праславянскому периоду (это слово представлено во всех трех ветвях славянских языков, при этом оно подвергается действию регулярных праславянских звуковых законов), — одна из причин для датировки конца праславянского периода девятым веком». Автор явно недооценивает возможности фонетического «пересчета» заимствований в уже разошедшихся родственных языках по системе соответствий для исконных слов. Подобный «пересчет» частично действует между финским и северносаамским — языками, самостоятельная история которых насчитывает не меньше трех тысяч лет» (Живлов 2016: 66—67)⁸.

Таким образом, и ранние славяно-румынские контакты не являются, полагаю, аргументом в пользу гипотезы Ф. Курты и С. Палиги.

И, подводя итоги в целом, должен сказать: на мой взгляд, и на новом уровне аргументации гипотеза Ф. Курты все же не стала убедительнее. Однако, как и прежде, его текст читается с интересом — и, думаю, все так же будит мысль и фантазию читателей.

Литература

- Гавритухин И. О. 2015. Дунайский «страт» раннеславянской археологии. От редакторов этого номера. *Stratum plus* (5), 17—26.
- Головко Е. В. 2016. Контактные языки. *Большая российская энциклопедия*. Электронная версия (2016); <https://bigenc.ru/linguistics/text/2093046> (дата обращения: 03.05.2021).
- Живлов М. А. 2016. Рец. на: Saskia Pronk-Tiethoff. The Germanic loanwords in Proto-Slavic. Leiden Studies in Indo-European 20. Amsterdam/New York, NY: Rodopi, 2013. 316 pp. *Journal of Language Relationship/Вопросы языкового родства* 14 (1), 65—70.
- Золтан А. 2005. Рец. на: Ronald O. RICHARDS, The Pannonian Slavic Dialect of the Common Slavic Proto-Language: The View from Old Hungarian. Los Angeles: University of California, Program in Indo-European Studies, 2003 (= UCLA Indo-European Studies, vol. 2), 234 p. *Studia Slavica Hungarica* 50, 179—183.
- Романчук А. А. 2015. Дискуссия на генофонд.рф:

- Кто такие славяне? <https://www.academia.edu/19494174/> (дата обращения: 07.05.2021).
- Чухряева М. И. 2018. *Сравнительный анализ популяций индоевропейской лингвистической семьи и генофондов других лингвистических групп в зонах их контакта*. Дисс. ... канд. биол. наук. Москва: ИОГ РАН.

⁸ Надо сказать, что затронутый М. А. Живловым вопрос о критериях завершения праславянского периода имеет на самом деле чрезвычайное значение для проблемы «рождения славян». Особенно если учесть, что многие слависты (если не большинство) придерживаются еще более поздней датировки: «... если вслед за Н. С. Трубецким взять за конечный рубеж существования праславянского языка последнюю общеславянскую инновацию — выпадение и вокализацию «еров» (XII в.) ...» (Золтан 2005: 180). Однако вопрос этот требует отдельного обсуждения.

- Шукин М.Б. 1997. Рождение славян. В: Ткачук М.Е., Манзура И.В., Мосионжик Л.А. (ред.). *Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории*. Санкт-Петербург: Нестор, 110—146.
- Эдельман Дж. 2002. *Иранские и славянские языки: исторические отношения*. Москва: Восточная литература.
- Boček V. 2014. *Praslovanština a jazykový kontakt*. Praha: Lidové Noviny.
- Curta F. 2001. *The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500—700*. Cambridge; New York, NY: Cambridge University Press.
- Curta F. 2021. *Slavs in the Making. History, Linguistics and Archaeology in Eastern Europe (ca. 500 — ca. 700)*. Abingdon-on-Thames: Routledge.
- Paliga S. 1988. Slovansko *sъto — izzivalen problem? *Slavistična Revija* 36 (4), 349—358.
- Paliga S. 2006. *Influențe romane și preromane în limbile slave de sud*. Bucharest: Evenimentul.
- Paliga S. 2010. When could be dated 'the earliest Slavic borrowings in Romanian? *Romanoslavica* 46 (4), 101—16.
- Paliga S. 2012. The 'trichotomical' character of Proto-Slavic and the long-debated issue of the oldest Slavic borrowings in Romanian. In: Janyškova I., Karlikova H. (ed.). *Theory and Empiricism in Slavonic Diachronic Linguistics*. Praha: Lidové noviny, 347—363.
- Paliga S., Teodor E. S. 2009. *Lingvistica și arheologia slavilor timpurii. O altă vedere de la Dunărea de Jos*. Târgoviște: Cetatea de Scaun.
- Raevschi N. 1998. *Contacte româno-slave (pe baza de date lingvistice)*. Autoref. al tezei de doctor hab. in filologie. Chișinău.

References

- Gavritukhin, I.O. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 17—26 (in Russian).
- Golovko, E.V. 2016. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)*. Electronic version (2016); <https://bigenc.ru/linguistics/text/2093046> (accessed 03.05.2021) (in Russian).
- Zhivlov, M.A. 2016. In *Journal of Language Relationship = Voprosy iazykovogo rodstva* 14 (1), 65—70 (in Russian).
- Zoltan, A. 2005. In *Studia Slavica Hungarica* 50, 179—183 (in Russian).
- Romanchuk, A.A. 2015. Diskussii na genofond.rf: Kto takie slaviane? (Discussion on the genofond.rf site: Who are Slavs?). <https://www.academia.edu/19494174/> (accessed 07.05.2021) (in Russian).
- Chukhriaeva, M.I. 2018. *Sravnitel'nyi analiz populiatsii indoevropeiskoi lingvisticheskoi sem'i i genofondov drugikh lingvisticheskikh grupp v zonakh ikh kontakta (Comparative Analysis of Populations of the Indo-European Linguistic Family and Gene Pools of Other Linguistic Groups in the Zones of their Contact)*. PhD Diss. Moscow: Vavilov Institute of General Genetics, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Shchukin, M.B. 1997. In Tkachuk, M.E., Manzura, I.V., Mosionjnic, L.A. (eds.). *Stratum: struktury i katastrofy. Sbornik simvolicheskoi indoevropeiskoi istorii (Stratum: Structures and Catastrophes. A Collection of Symbolic Indo-European History)*. Saint Petersburg: "Nestor" Publ., 110—146 (in Russian).
- Edel'man, D.I. 2002. *Iranskie i slavianskie iazyki: istoricheskie otnosheniia (Iranian and Slavic Languages: Historical Relations)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
- Boček, V. 2014. *Praslovanština a jazykový kontakt*. Praha: Lidové Noviny.
- Curta, F. 2001. *The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500—700*. Cambridge; New York, NY: Cambridge University Press.
- Curta, F. 2021. *Slavs in the Making. History, Linguistics and Archaeology in Eastern Europe (ca. 500 — ca. 700)*. Abingdon-on-Thames: Routledge.
- Paliga, S. 1988. Slovansko *sъto — izzivalen problem? *Slavistična Revija* 36 (4), 349—358.
- Paliga, S. 2006. *Influențe romane și preromane în limbile slave de sud*. Bucharest: Evenimentul.
- Paliga, S. 2010. When could be dated 'the earliest Slavic borrowings in Romanian? *Romanoslavica* 46 (4), 101—16.
- Paliga, S. 2012. The 'trichotomical' character of Proto-Slavic and the long-debated issue of the oldest Slavic borrowings in Romanian. In: Janyškova, I., Karlikova, H. (ed.). *Theory and Empiricism in Slavonic Diachronic Linguistics*. Praha: Lidové noviny, 347—363.
- Paliga, S., Teodor, E.S. 2009. *Lingvistica și arheologia slavilor timpurii. O altă vedere de la Dunărea de Jos*. Târgoviște: Cetatea de Scaun.
- Raevschi, N. 1998. *Contacte româno-slave (pe baza de date lingvistice)*. Autoref. al tezei de doctor hab. in filologie. Chișinău.

Статья поступила в номер 7 мая 2021 г.

Aleksey Romanchuk (Kishinev, Moldova). Master of Anthropology. Institute of Cultural Heritage of Academy of Sciences of Moldova¹.

Aleksey Romanchuk (Chișinău, Moldova). Magistru în antropologie. Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei.

Романчук Алексей Андреевич (Кишинёв, Молдова). Магистр антропологии. Институт культурного наследия Академии наук Молдовы.

E-mail: dierevo@mail.ru, dierevo5@gmail.com

Address: ¹ Stefan cel Mare Bd., 1, Kishinev, MD-2001, Moldova

Список сокращений

АБИГИ АНА	— Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа. Сухум.
АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург.
АВУ	— Археологічні відкриття в Україні. Київ.
АГПИ	— Армавирский государственный педагогический университет. Армавир.
АГУ	— Астраханский государственный университет. Астрахань.
АДІУ	— Археологія і давня історія України. Київ.
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні. Київ.
АИМ	— Археологические исследования в Молдавии. Кишинёв.
АИППЗ	— Археология и история Пскова и Псковской земли. Москва; Псков.
алб.	— албанский язык.
алб. рег.	— гегский диалект албанского языка.
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава.
АлтГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул.
АН РБ	— Академия наук Республики Башкортостан. Уфа.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АН УРСР	— Академия наук Української РСР. Київ.
АН УССР	— Академия наук Украинской ССР. Киев.
АН ЧР	— Академия наук Чеченской Республики. Грозный.
АО	— Археологические открытия. Москва.
АОН	— Археологические открытия на новостройках, Москва.
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
арбн.	— арбнешский диалект албанского языка.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БВЛ	— Библиотека всемирной литературы. Москва.
БГПУ	— Барнаульский государственный педагогический университет. Барнаул.
БГУ	— Брянский государственный университет. Брянск.
ВААЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВГПИ	— Воронежский государственный педагогический институт. Воронеж.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВОЛС	— волоконно-оптическая линия связи.
ВСО	— Военно-статистическое обозрение Российской империи. Санкт-Петербург.
ГАГУ	— Горно-Алтайский государственный университет. Горно-Алтайск.
ГВНП	— Грамоты Великого Новгорода и Пскова.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГИХЛ	— Государственное издательство художественной литературы. Москва.
ГМВ	— Государственный музей Востока. Москва.
ГРВЛ	— Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.
ДАС	— Донецкий археологический сборник. Донецк.
ЕНУ	— Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева. Нур-Султан.
ЗНУ	— Запорожский национальный университет. Запорожье.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей, Одесса.
ЗОРСА РАО	— Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. Санкт-Петербург.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской академии наук. Москва.
ИАИАИАНД	— Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов.
ИАК	— Известия Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск.
ИГ СО РАН	— Институт географии им. В. Б. Сочавы Сибирского отделения Российской Академии наук. Иркутск.
ИД	— издательский дом.
ИИ АН РТ	— Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИИ НАНБ	— Институт Истории Национальной Академии наук Белоруссии. Минск.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИОГ РАН	— Институт общей генетики им. Н. И. Вавилова Российской Академии наук. Москва.

ИОЛЕАЭ	— Известия [Императорского] Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Москва.
ИрГУ	— Иркутский государственный университет. Иркутск.
ИРИ РАН	— Институт российской истории Российской Академии наук. Москва.
ИЯЛИ АН РТ	— Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИЯЛИ КФАН СССР	— Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР. Казань.
ИА НАНУ	— Институт археології Національної академії наук України. Київ.
кат.	— катакомба.
КГУ	— Куйбышевский государственный университет. Куйбышев.
КГУ	— Курский государственный университет. Курск.
КДК	— культура длинных курганов.
КНЦ РАН	— Казанский научный центр Российской Академии наук. Казань.
КОКМ	— Курский областной краеведческий музей. Курск.
КСАН	— Корпус случайных археологических находок. Москва.
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР / Российской академии наук. Москва.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград/Санкт-Петербург.
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии. Санкт-Петербург.
КубГУ	— Кубанский государственный университет. Краснодар.
КузГТУ	— Кузбасский государственный технический университет. Кемерово.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет. Ленинград.
ЛОИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР. Ленинград.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИАК	— Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
МИАСК	— Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир.
МИОН	— Межрегиональные исследования в общественных науках. Воронеж.
НА ИА НАНУ	— Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
НА ИИМК РАН	— Научный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
НА ИИМК РАН. РО	— Научный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Рукописный отдел. Санкт-Петербург.
НА ИА НАНУ	— Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України. Київ.
НА НИАЛ ХНПУ	— Научный архив научно-исследовательской археологической лаборатории Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. Харьков.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НАИМ БАН	— Национален археологически институт с музей, Българска академия на науките. София.
НАНУ	— Национальная Академия наук Украины. Киев.
НГДУ	— Нефтегазодобывающее управление.
НГПИ	— Новосибирский государственный педагогический институт. Новосибирск.
нгр.	— новогреческий язык.
НГУ	— Новосибирский государственный университет. Новосибирск.
НЕЦУ	— Національний екологічний центр України. Київ.
НИЦ ГП ВСУ	— Научно-исследовательский центр гуманитарных проблем Вооруженных Сил Украины. Киев.
ННЗИА	— Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород.
НовГУ	— Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород.
ПА	— Поволжская археология. Казань.
ПАО	— Псковское археологическое общество. Псков.
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск.
ПКМ	— Полтавський краєзнавчий музей. Полтава.
ПЛ	— Псковские летописи.
под.	— подбой.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей. Москва.
РА	— Российская археология. Москва.
РА ИИМК РАН	— Рукописный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
РАН	— Российская академия наук. Москва.
РАНХиГС	— Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва.
РГГУ	— Российский государственный гуманитарный университет. Москва.
РСМ	— Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Москва.
РСО-А	— Республика Северная Осетия-Алания.
РЦНИТ	— Региональный центр новых информационных технологий. Харьков.

№5. 2021

СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СГУ	— Саратовский государственный университет. Саратов.
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург.
СИААМЗ	— Староладожский историко-археологический и архитектурный музей-заповедник. Старая Ладога.
СО РАН	— Сибирское отделение Российской Академии наук. Новосибирск.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СПбИИ РАН	— Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук. Санкт-Петербург.
СЭ	— Советская этнография. Москва.
ТвГУ	— Тверской государственный университет. Тверь.
ТГУ	— Томский государственный университет. Томск.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург.
Труды АС	— Труды Археологического Съезда.
Труды ЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ленинград.
ТХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва.
УАН	— Українська Академія наук. Київ.
УИВИ	— Украинский институт военной истории. Киев.
УрО РАН	— Уральское отделение Российской Академии наук. Екатеринбург.
УТОПІК	— Українське товариство охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ХГУ	— Харьковский государственный университет. Харьков.
ЦАИ АГПА	— Центр археологических исследований Армавирской государственной педагогической академии. Армавир.
ЦМ ВС	— Центральный музей вооружённых сил. Киев.
ЦОДПА	— Центр охорони та досліджень пам'яток археології Полтавської обл. Полтава.
ЦП НАНУ	— Центр пам'яткознавства Національної академії наук України. Київ.
шахт.	— шахтная гробница.
ad.	— adultus.
AJHG	— American Journal of Human Genetics. Cambridge, MA.
AMM	— Acta Militaria Mediaevalia. Sanok.
BAR IS	— British Archaeological Reports, International Series. Oxford.
FAO	— Food and Agriculture Organization of the United Nations.
ICAZ	— International Council for Archaeozoology.
IHCM	— Institute for the History of Material Culture. Saint Petersburg.
inf. II	— infans II.
iuв.	— iuvenis.
LEKUB	— Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch. Riga; Moskau.
mat.	— maturus.
pl.	— plural.
PNAS	— Proceedings of the National Academy of Sciences. New York.
RAS	— Russian Academy of Sciences. Moscow.
SCIV	— Studii și cercetări de istorie veche. București.
SSRN	— Social Science Research Network.